

Их взгляды встретились. Даже прожив две жизни, Линь Цюн никогда не испытывал такого смущения. В этот момент он вжимался в подушку сиденья с такой яростью, что, казалось, мог бы вырезать на ней миниатюрный дворец Потала.

Линь Цюн взглянул на полицейского, потом протянул бледный, изящный палец — сначала указал на Ван Чэна, затем постучал себе по лбу.

Полицейский понимающе кивнул, затем, махнув рукой на прощание, ушёл, выписав штраф.

Спустя какое-то время Ван Чэн тяжело вздохнул и посмотрел на молодого распутника, который променял всё на деньги:

— Хмм? Что это там было?

— Да ничего особенного, — спокойно ответил Линь Цюн, указывая на окно. — Просто штраф за неправильную парковку.

Ван Чэн:!!!

— Почему ты не сказал раньше?

— Ты же сам попросил дать тебе немного тишины, чтобы подумать о жизни и мире. Сказал — расскажешь потом.

—

Когда спустя полчаса они добрались до места съёмки, Линь Цюн открыл дверцу машины и, выходя, едва не споткнулся.

Ван Чэн заметил это и спросил:

— Почему ты так странно идёшь?

Линь Цюн выпрямился, вспоминая, как на собственной свадьбе пробежал два километра:

— В последние дни я занимался экстремальными видами спорта.

Глаза Ван Чэна распахнулись. В воображении сразу возникла картина: молодого развратника, ради денег попавшего в чьи-то лапы, измотанного и брошенного, словно выжатая тряпка.

Он лишь тяжело вздохнул и с тревогой спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Всё в порядке, — отозвался Линь Цюн. Вдруг, будто что-то почувствовав, он поднял взгляд к небу. Его глаза сузились от солнечного света, голос стал глухим и горьким: — Юго-восточный ветер поднимается...

Ван Чэн обернулся на него. Юноша стоял, глядя на солнце, ветер трепал его волосы и ворот рубашки, делая и без того хрупкую фигуру ещё более незащищённой. Его ресницы, чёрные, как воронье перо, дрожали в солнечном свете, а в выражении лица была такая тонкая, надрывная печаль, будто он вот-вот разобьётся, как фарфор.

Ван Чэн не знал, как его утешить. Он хотел положить руку на его тонкое плечо, но замер на

полпути и опустил руку. В конце концов, неловко спросил:

— Что случилось?

— Если бы такое произошло раньше... я бы даже есть не смог, — тихо произнёс Линь Цюн.

—

Место съёмки находилось в пригородной фотостудии. Для небольших брендов с ограниченным бюджетом здесь было гораздо выгоднее снимать на природе, чем платить за постобработку в профессиональной студии.

Фотостудия предлагала разнообразные декорации в разных стилях, а стоимость аренды зависела от времени съёмки.

Для Линь Цюна это был первый визит сюда, и он с любопытством осматривался.

В помещении кипела работа. Большинство посетителей — это представители компаний, приводящие моделей на фотосессии.

Ван Чэн позвонил кому-то, а затем повёл Линь Цюна к назначенной локации.

Пространство напоминало классную комнату.

Линь Цюн окинул всё взглядом, слегка опешив:

— Мы что, каталог школьной формы снимаем?

Тело Ван Чэна на миг напряглось, но он тут же усмехнулся:

— В академическом стиле.

Формулировка была нарочно расплывчатой.

Линь Цюн лишь неопределённо хмыкнул. Одежда в академическом стиле действительно была популярна на рынке, поэтому он не стал расспрашивать дальше.

«.....»

До тех пор, пока ему не вручили спортивный костюм в бело-синюю полоску. Линь Цюн поднял глаза и встретился взглядом с Ван Чэном, который тут же виновато отвёл взгляд.

— Это форма какой школы? — спросил он.

Ван Чэн неловко почесал затылок:

— На самом деле, это для продакшн-компании. Сейчас ведь повально снимают школьные драмы, и они ищут подходящие фасоны формы. Бренд выбрал тебя за... эээ, твою низкую цену... нет, то есть, за твою выдающуюся внешность.

Линь Цюн: «.....»

Ван Чэн уже приготовился к тому, что капризный модель устроит сцену. Но Линь Цюн молча осмотрел костюм и направился в примерочную.

Скверный характер Линь Цюна окончательно подорвал его репутацию в индустрии — настолько, что он не мог получить даже приличную работу.

Даже эту съёмку удалось выбить с невероятным трудом.

Он вышел из примерочной — форма сидела идеально, нисколько не мешая движению. При росте 182 сантиметра его плечи были не широкими, как у взрослого мужчины, а чуть узкими, и именно эта лёгкая худоба придавала униформе особенно юный, свежий вид.

Представители бренда остались более чем довольны — сразу же подали знак фотографу начинать.

Будучи в прошлом театральным актёром, Линь Цюн превосходно владел мимикой и эмоциями. Съёмка заняла всего час — намного меньше запланированного.

Особенно удался один кадр: Линь Цюн в школьной форме, освещённый солнечными лучами сбоку, с мягкой улыбкой на лице. Его добродушные черты делали его похожим на большого, солнечного пса.

Не ожидая, что всё закончится так быстро, он снова направился к примерочной. Когда вышел — Ван Чэн уже ждал у двери.

Заметив в его руках телефон, тот поинтересовался:

— Что делаешь?

— Домой пишу, — отозвался Линь Цюн.

Ван Чэн молча вздохнул. Даже сейчас Линь Цюну приходилось отчитываться перед этим старым извращенцем, прежде чем куда-то идти.

Эх...

Вот она — цена сделки с дьяволом.

— Ну, как тебе ощущения? — спросил он.

Линь Цюн отправил Фу Синьюню сообщение, чтобы тот не забыл заказать обед, и только потом ответил:

— Первый брак — вещь любопытная.

Увидев, что Ван Чэн хочет что-то сказать, он добавил:

— Говори.

Ван Чэн ответил:

— Клиенту понравились фото. Хочет добавить пару уличных кадров.

Он замялся, затем добавил, отводя взгляд:

— Только... в этот раз не носи форму так строго. Расстегни воротник, закатай рукава...

— Нет, — тут же ответил Линь Цюнь.

— Школьная форма называется школьной потому, что её носят в школе. Она олицетворяет дух стремления и усердия, её носят в священных стенах учебного заведения. Это не просто одежда — это символ. Её нельзя осквернять. — Линь Цюнь понесло. — К тому же, я уже женат. Одеваться прилично и вести себя достойно — мой долг.

Ван Чэн уставился на него с пустым выражением лица:

— По-человечески скажи.

Линь Цюнь сказал:

— Это ещё одна цена.

«.....»

Два часа спустя, когда съёмка завершилась, представители бренда остались довольны отснятым материалом. Оплата поступила сразу же — как раз в тот момент, когда они подошли к входу в киностудию.

Линь Цюнь посмотрел на сумму и, не колеблясь, перевёл половину Ван Чэну в WeChat.

Глаза Ван Чэна округлились от удивления:

— Почему так много?

Обычно они делили заработок в пропорции три к семи — Линь Цюнь забирал 70%, а Ван Чэн — 30.

Но сегодня он перевёл ровно половину.

Линь Цюнь и бровью не повёл. Они были партнёрами по работе, в конце концов. Хотя он и ценил деньги, но профессиональную этику соблюдал строго. Как и с Фу Синьюнем — он не мог взять оплату, не отработав её честно.

Выйдя из здания, они неторопливо пошли по территории киностудии. Это было не просто место для съёмок — здесь располагались магазины разных брендов.

Пушистая голова Линь Цюнь вертелась по сторонам, словно волчок, пока вдруг не застыла. Он ткнул пальцем в бок Ван Чэну:

— Пойдём туда.

Ван Чэн посмотрел на магазин авторского трикотажа. Стиль — модный, бренд — хоть и нишевый, но с хорошим качеством и креативным дизайном.

Не раздумывая, он пошёл следом.

Кто бы мог подумать, что Линь Цюнь даже не взглянет на сверкающий витринами ассортимент одежды и направится прямо к секции с пледами ручной работы.

Ван Чэн, решив, что тот просто не заметил вещи, поспешил его остановить:

— Ты не собираешься покупать одежду?

Линь Цюн моргнул и покачал головой:

— Нет.

— А зачем тогда зашёл? В туалет, что ли?

Линь Цюн указал на изящно сделанные пледы:

— Хочу купить два. Домой.

Ван Чэн непонимающе нахмурился.

Увидев это, Линь Цюн слегка улыбнулся:

— У человека дома есть проблемы с ногами. Я подумал — надо купить пару пледов.

Стояла поздняя жара — лето переходило в осень. Солнце ещё жарило вовсю, но уже совсем скоро холода ударят внезапно и резко.

Фу Синьюнь жил один в огромной вилле, и некому было о нём позаботиться. Каждый день он сидел в инвалидном кресле, не прикрыв даже ноги. Как он переживёт осеннюю стужу?

У Ван Чэна кольнуло в груди:

— Это что, старая болячка?

Линь Цюн помолчал:

— Что-то вроде того.

Ван Чэн посмотрел на этого живого, полного энергии Линь Цюна и удивился, как такой парень вообще мог жениться на каком-то дряхлом извращенце с кучей болячек.

Линь Цюн подошёл к секции пледов, разглядывая разнообразие расцветок и отличную ручную работу.

Заметив покупателей, к ним подошла продавщица.

Линь Цюн сразу выбрал себе светло-серый плед:

— Сколько стоит?

Продавщица любезно улыбнулась:

— Три тысячи.

— Да чтоб тебя! — искренне ахнул Линь Цюн. Потом ткнул в другой плед: — А тот?

— Это новинка. Он стоит шесть... чтоб тебя.

Линь Цюн: «.....»

Он с трудом сглотнул. Ван Чэн, заметив это, поспешно сказал:

— Дороговато. Может, ну его?

Он сжал губы, достал телефон и проверил баланс. Светло-серый он мог бы купить без проблем. А вот новинку — это значило бы, что весь сегодняшний заработок улетит.

И тут взгляд Линь Цюна упал на его левую руку. Там, на безымянном пальце, едва заметно отпечатывался след от кольца.

Спустя мгновение он с усилием выдавил:

— Беру новинку.

Его губы дрожали. За две жизни он ни разу не тратил столько денег на одну вещь. Он и правда витал в облаках.

Ван Чэн посмотрел на него как на сумасшедшего, но промолчал. Похоже, после брака Линь Цюн многое узнал о жестокой реальности жизни. Старый ублюдок, выходит, и впрямь начал заботиться.

Потом Ван Чэн подвёз Линь Цюна домой.

Глядя на район с виллами вдаль, он испытал странное чувство. Перед тем как тот вышел из машины, позвал:

— Линь Цюн.

— А? — обернулся тот.

Взгляд Ван Чэна был сложным, в голосе звучала нотка убеждения:

— Ещё не поздно всё исправить. В жизни у каждого бывает срыв.

Линь Цюн вопросительно хмыкнул.

Ван Чэн продолжил:

— Ты ведь не счастлив. Брак твой — просто порыв.

Линь Цюн:

— Да, в этом что-то есть.

Услышав это, Ван Чэн оживился:

— У тебя кто-то остался в сердце?

Лицо Линь Цюна изменилось:

— Конечно.

— Тогда слушай сердце. Если в душе есть кто-то другой — это предательство по отношению к партнёру.

На лице Линь Цюна отразилось сомнение:

— Но я не могу его забыть. Хоть убей — не забуду. Даже на смертном одре.

Отлично! Ван Чэн уже предвкушал, как зайдёт с морализаторской тирадой:

— Тогда, если не можешь развестись — забудь его! По-другому никак!

— А как я, по-твоему, забуду?! — вдруг взорвался Линь Цюн. Его тонкая грудь тяжело вздымалась, голос сорвался на крик: — Он... он, чёрт побери, должен мне денег!

<http://bllate.org/book/12640/1121095>